

Иерей Вячеслав Шеститко

Персональный состав Секретных комитетов по униатским делам в 1835–1839 гг.

Статья посвящена деятельности Секретных комитетов по униатским делам, существовавших в 1835–1839 гг. Эти совещательные органы, бывшие характерной чертой эпохи правления императора Николая I, были призваны рассматривать возникавшие в сфере их компетенции проблемы и выработать возможные варианты их разрешения. Автор приходит к выводу, что Секретные комитеты по униатским делам повторили судьбу иных Секретных комитетов рассматриваемой эпохи. В силу целого ряда причин Секретные комитеты по униатским делам не стали разработчиками и проводниками отчетливой и долговременной политики в отношении Греко-Католической Церкви в Российской империи, лишь фрагментарно участвуя в деле воссоединения.

Ключевые слова: Блудов Д.Н., воссоединение униатов, Николай I, митрополит Филарет (Дроздов), митрополит Иосиф (Семашко), Протасов Н.А., Секретные комитеты по униатским делам.

Яркой чертой эпохи правления императора Николая I (1825–1855) стало создание и функционирование целой чреды новых для России совещательных органов – Секретных комитетов. Особенностью того времени был тот факт, что государственная система России в основном состояла из исполнительских органов. В ней не было учреждений, призванных заниматься разработкой преобразований. Вместе с тем, усложнение политической жизни и возникавшие в процессе управления громадной империей труд-

ности приводили к тому, что монарх, при всем своем желании, не мог предложить решения для множества государственных задач. Поэтому для обсуждения остро стоявших вопросов и создавались особые секретные комитеты, призванные всесторонне рассмотреть возникшие проблемы и разработать пути их разрешения. Часть законопроектов, подготовленных и обсужденных в таких комитетах, поступала в Государственный совет или в Комитет Министров; другие утверждались императором единолично; третьи вообще не получали никакого движения, так как не были одобрены монархом. Деятельность Секретных комитетов происходила на фоне попыток государя усилить контроль над всеми органами власти. Таким способом Николай I хотел добиться истребления коррупции и взяточничества, точного исполнения законов, слаженной работы всего государственного механизма наподобие армейской системы с ее субординацией и четким выполнением приказов. В рамках этой политики в декабре 1826 г. и был создан первый из Секретных комитетов, задачей которого стал разбор бумаг, оставшихся после Александра I, и рассмотрение вопроса о возможных государственных преобразованиях. В дальнейшем практика создания всевозможных Секретных комитетов получила широкое распространение – например, в период с 1840 по 1843 гг. действовало только шесть финансовых Секретных комитетов. Наиболее изученным в исторических исследованиях является деятельность Секретных комитетов, связанных с крестьянским вопросом. Некоторые из Секретных комитетов создавались и для рассмотрения вопросов, связанных с религией и конфессиональной политикой Российского правительства (например: Секретный комитет о раскольниках и отступниках, Секретный комитет высшей церковной цензуры и т.п.). В числе подобных учреждений и находится рассматриваемые нами Секретные комитеты, связанные с делами Греко-Католической Церкви в пределах Российской империи.

Учреждение Секретного комитета по униатским делам

В 1827 г. молодой греко-католический прелат и заседатель Второго (униатского) департамента Римско-католической духовной

коллегии в Санкт-Петербурге Иосиф Семашко предоставил российскому правительству записку «О положении в России Униатской церкви и о средствах возратить оную на лоно Церкви Православной». Эта записка была рассмотрена и одобрена императором Николаем I и стала причиной перемены конфессиональной политики российских властей в отношении Униатской Церкви. С кон. 1827 г. начался поддерживаемый властями процесс глубокой реформы Униатской Церкви с целью сближения ее с Православием. Со стороны правительства во главе этого процесса стал сам император Николай Павлович, а непосредственным исполнителем был назначен Дмитрий Николаевич Блудов¹, занимавший должность товарища министра народного просвещения, в ведении которого на тот момент находились дела иностранных исповеданий. В рамках этого воссоединительного процесса и появилось предложение о создании особого Секретного комитета по униатским делам.

Мысль о необходимости подобного комитета была высказана в июне 1834 г. в секретном докладе Д.Н. Блудова императору². К этому моменту Дмитрий Николаевич уже занимал пост министра внутренних дел, и именно его ведомству с 1832 г. были переданы все дела иностранных исповеданий. В своем докладе Блудов излагает монарху общий ход проведенных с 1827 г. мер по униатскому вопросу и предлагает ввести в состав комитета важнейших членов Святейшего Синода, обоих начальников униатских епархий, несколько светских чиновников и обер-прокурора Святейшего Синода. Важно отметить, что в качестве причины, побуждающей к учреждению Секретного комитета, в докладе указываются не какие-то проблемы в реформировании Униатской Церкви или ходе воссоединения, а опасение, как бы планируемое подчинение Греко-Униатской Церкви Святейшему Синоду «не произвело <...> вредных последствий»³ именно со стороны православных.

¹ Романчук Александр, протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей Александр Романчук. – Москва – Минск : Изд-во Крутицкого подворья, 2015. – С.112.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 10. – Л. 5–12.

³ РГИА. – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 10. – Л. 9.

Целью заседаний Секретного комитета, по мысли доклада Блудова, будет «согласиться мало по малу и почти нечувствительно без особых объяснений в правилах касательно взаимных отношений Греко-Российской и Греко-Унитской Церкви, обдумать и приготовить меры, которыя нужно принять в последствии для успешного хода Униатского дела»⁴. В качестве первоочередной меры комитета указывается необходимость подчинения греко-униатских учебных заведений Комиссии духовных училищ с назначением в эту Комиссию представителей и греко-униатского духовенства.

На первом листе этого доклада приложена и резолюция императора Николая I с указанием поименно всех назначаемых в Секретный комитет государем лиц: *«Предоставлена Его Императорскому Величеству в С. Петербурге, в Аничковом Дворце 21 июня 1834 г. Государь Император удостоил Высочайшего одобрения Своего все означенные в сей всеподданнейшей Докладной записке замечания, рассуждения и предположения, соизволил повелеть, чтобы Комитет для совещаний по делам Униатским был в надлежащее время составлен из Преосвященных Митрополитов Серафима и Филарета и Тверского Архиепископа Григория, Греко-Униатских Митрополита Иосафата Булгака и Епископа Иосифа Семашко, Генерала от Инфантерии Графа Толстого, Действительного Тайного Советника Канцлера Российских Орденов Князя Голицина, Министра Внутренних Дел (т.е. самого Д.Н. Блудова. – В.Ш.), Статс-Секретаря Танеева и Обер-Прокурора Святейшего Синода»*⁵. Состав комитета, утвержденный императором, не вызывает каких-либо недоумений и целиком соответствует духу и стилю руководства в николаевскую эпоху. На докладе имеется еще одна небольшая приписка, сообщающая о вторичном рассмотрении императором доклада и его соизволении отложить открытие комитета до возвращения митрополита Филарета в столицу летом 1835 г. Также известно, что 26 мая 1835 г. по предложению Блудова император повелел предварить заседания особыми совещаниями лиц из состава комитета, но гораздо более узкого круга (митрополит Филарет (Дроздов), епископ Иосиф

⁴ РГИА. – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 10. – Л. 9.

⁵ Там же. Л. 5.

(Семашко), С.Д. Нечаев и Д.Н. Блудов)⁶. Причиной проведения таких «предварительных совещаний» Блудов усматривал в том, что «при некоторых членах комитета обсуждать дела во всех отношениях было бы и не прилично и не безопасно»⁷. Думается, что произнося эти слова, Блудов прежде всего, имел ввиду престарелого униатского митрополита Иосафата (Булгака), в глазах которого Секретный комитет создавался скорее для сохранения унии перед лицом польско-католического давления, чем для ее ликвидации⁸. Таким образом, фактически создавались два комитета, призванные обсуждать и решать одни и те же вопросы, но разделенные стеной секретности между собой – большой и малый. О заседаниях и деятельности этого последнего комитета мы можем только догадываться – никаких документов или протоколов его заседаний нам обнаружить не удалось.

Персональный состав Секретного комитета 1835–1836 гг.

29 мая 1835 г. Блудов отправил обер-прокурору С.Д. Нечаеву официальное отношение об учреждении Секретного комитета по делам греко-униатским с поименным указанием всех назначенных государем членов⁹. Итак, со стороны православных это были: первенствующий член Святейшего Правительствующего Синода, митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Серафим (Глаголевский); митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) и архиепископ Тверской и Кашинский Григорий (Постников). Со стороны униатов в комитет

⁶ Шавельский Г., протоиерей. Последнее воссоединение с Православной Церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / протоиерей Г. Шавельский – Санкт-Петербург : Тип. «Сельского Вестника», 1910. – С. 172.

⁷ Там же. С. 174.

⁸ Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700–1917 : в 2 ч. / И.К. Смолич. – Москва : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Ч. 2. – С. 338.

⁹ РГИА. – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 10. – Л. 1. Практически идентичное отношение мы находим и среди бумаг митрополита Иосифа (Семашко), (см.: Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора : в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Тип. имп. Академии Наук, 1883. – Т. 1. – С. 744, 745); судя по всему, подобные извещения получили и другие члены Секретного комитета.

вошли: греко-католический митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси Иосафат (Булгак) и епископ Литовской греко-униатской епархии Иосиф (Семашко). Со стороны правительства в комитет вошли: министр внутренних дел Д.Н. Блудов, обер-прокурор Святейшего Синода С.Д. Нечаев, генерал П.А. Толстой, статский советник А.Ф. Голицын, статс-секретарь и управляющий Первым отделением Собственной Его Величества канцелярии А.С. Танеев. Хотя, как уже отмечалось выше, такой состав комитета и не вызывает недоумения, остается открытым вопрос о том, кем и на каких основаниях избирались эти кандидатуры. Можно лишь предположить, что кандидатуры назначаемых в комитет лиц заранее обсуждались в частных беседах императора с Д.Н. Блудовым, непосредственно руководившим подготовкой всего дела.

На момент создания Секретного комитета **Дмитрий Николаевич Блудов** (1785–1864), занимал пост министра внутренних дел. Происходил он из заурядного дворянского рода Блудовых. Выдающийся русский историк Н.М. Карамзин представил Блудова императору Николаю I, указав на него, как на человека одновременно и консервативного во взглядах, так и просвещенного, и способного занять место в государственном аппарате. Блудов занимал в николаевскую эпоху высокие должности: с 1832 г. он возглавлял Министерство внутренних дел, а в период с 1837 по 1839 гг. – Министерство юстиции. Некоторые исследователи (в частности, протоиерей Георгий Шавельский) приписывали Блудову решающую роль в деятельности Секретного комитета, но в этом можно усомниться. Сам Дмитрий Николаевич едва ли был достаточно компетентен в униатских делах, которые занимали весьма малую часть его занятий, особенно после назначения его министром внутренних дел¹⁰. Известно, что вступив, в эту должность, Блудов поручил заниматься униатскими делами своим нижестоящим чиновникам¹¹. Митрополит Иосиф (Семашко) в

¹⁰ О Дмитрие Николаевиче Блудове известно, что он надеялся занять пост министра народного просвещения после отставки предыдущего министра А.С. Шашкова, под началом которого он трудился несколько лет.

¹¹ Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского. Т. 1. С. 71.

своих воспоминаниях писал о том, что Блудов имел весьма малое представление о делах униатских и римо-католических, проявлял «мнительность и холодность», которые митрополит объясняет «новостью для него самого дела»¹², и даже неуверенность в выбранном пути и его желании сложить с себя ответственность¹³. В униатском вопросе Блудов ориентировался в основном на предложения Иосифа (Семашко). Так, если мы сравним уже упоминавшийся секретный доклад от 1834 г. Блудова императору Николаю Павловичу¹⁴ и «Докладную записку от 25 апреля 1834 г. о положении Униатского дела и о дальнейших по оному предположениях»¹⁵, написанную прелатом Семашко тремя месяцами ранее, то увидим, что Блудов переписал ее для собственного доклада практически слово в слово, за исключением малых и незначительных отступлений. Но такое поведение Дмитрия Николаевича легко объяснимо – появление на территории Российской империи греко-католической общины было для государственных чиновников делом совершенно новым и непонятым, что и стало причиной отсутствия внятной политики в отношении униатов со стороны российских властей в нач. XIX в. Хотя позднее митрополит Иосиф писал, что все же расставался он с Блудовым не без сожаления, и отмечал, что это был «человек благородного характера, обширного и светлого ума; только излишне мягок и подвержен стороннему влиянию»¹⁶.

Значимой государственной персоной того времени, без которой трудно представить деятельность какого-либо органа, связанного с конфессиональной политикой Российского правительства, являлся обер-прокурор Святейшего Синода **Степан Дмитриевич Нечаев** (1792–1860). Он родился в семье богатого помещика Рязанской губернии и получил хорошее домашнее образование, позволившее без труда сдать экзамены при Московском университете и в 19 лет поступить на службу в Коллегию иностранных дел. Но

¹² Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского. Т. 1. С. 58, 59.

¹³ Там же. С. 60.

¹⁴ РГИА. – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 10. – Л. 9–12.

¹⁵ Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского. Т. 1. С. 665–669.

¹⁶ Там же. С. 108.

возможность великосветской карьеры мало прельщала Нечаева, более увлеченного литературными изысканиями. В 1817 г. он был назначен директором училищ Тульской губернии. В Туле вокруг молодого, одаренного и общительного директора сплотился литературный кружок. Тогда стихи и заметки Степана Дмитриевича публиковались в «Вестнике Европы», «Благонамеренном», «Русском вестнике», «Московском телеграфе», «Северной пчеле» и др., хотя он сам не стремился к славе и не домогался известности, более желая принести практическую общественную пользу. В это время Нечаев состоял в «Союзе благоденствия», одной из первых декабристских организаций. Впоследствии его спасло лишь то обстоятельство, что на допросах после подавления восстания никто не упомянул его имени. С 1828 г. благодаря покровительству своего родственника князя П.С. Мещерского, бывшего тогда обер-прокурором Святейшего Синода, Нечаев определяется в обер-прокурорский стол. В апреле 1833 г. Степан Дмитриевич сам назначается на должность обер-прокурора. Но служение его на этом посту было недолгим. По воспоминаниям современников, Нечаев «положительно господствовал в Синоде и не церемонился с остальными его членами». Он не терпел невежества, соединенного с тщеславным самомнением, которыми нередко отличались представители русского, особенно провинциального, духовенства. Главной его заботой было совершенствование системы духовного образования, столь им любимой¹⁷. Острый конфликт с членами Синода привел его к отставке с должности обер-прокурора в 1836 г., и с этого времени Нечаев перестал участвовать в деятельности Секретного комитета по униатским делам.

Из православных иерархов, участвовавших в работе Секретного комитета, наибольшим авторитетом и опытом обладал выдающийся богослов XIX в. **митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов)** (1783–1867). Будущий святитель родился в семье дьякона Успенского кафедрального собора в Коломне. Блестящий ум и способности способствовали его быстрому возвышению. В 1817 г. он был хиротонисан в епископский

¹⁷ См. подробнее: Грачева И.В. Декабрист во главе Синода / И.В. Грачева // Нева. – 2005. – № 10 – С. 227–231.

сан, а с 1819 г. был назначен членом Святейшего Синода. В 1821 г. святитель был назначен на московскую кафедру, которую занимал до конца своей жизни. Его архипастырское служение проходило во время царствования трех российских самодержцев, и при каждом из них ему пришлось стать соучастником величайших церковных и государственных деяний. Святитель участвовал в чине венчания на царство Николая I и именно в тот день был возведен в сан митрополита. Хотя в николаевские времена на него неоднократно клеветали и обвиняли в политической неблагонадежности, император дорожил мнением святителя и называл его мудрым. Следует отметить, что митрополиту Филарету была свойственна определенная осторожность и сдержанность в оценках событий и лиц, совершенно необходимая в николаевскую эпоху. Тем не менее святителю пришлось пережить и немало стеснений. Даже само знакомство с униатским вопросом у митрополита Филарета произошло после долгого перерыва его участия в заседаниях Синода (1823–1827). Впоследствии, в 1842 г., после размолвки с обер-прокурором Н.А. Протасовым митрополита Филарета перестанут приглашать на заседания Синода уже до самой его смерти, хотя с его мнением по важным вопросам и продолжали считаться. Уже после кончины святителя в 1867 г. обер-прокурор Д.А. Толстой в своем годовом отчете императору писал, что в течение более полувека не было таких церковных дел, в которых не участвовал бы знаменитый московский архипастырь. В 1994 г. решением Архиерейского собора Русской Православной Церкви митрополит Филарет (Дроздов) причислен к лику святых.

В период работы Секретного комитета по униатским делам первенствующим членом Святейшего Синода был **митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Серафим (Глаголевский) (1757–1843)**. Он родился в семье церковного причетника г. Калуга. В 1799 г. он был хиротонисан во епископа, но в начале святительского служения ему приходилось очень часто менять кафедры. В 1812 г. он был переведен в Минск с возведением в сан архиепископа, но в скорости вынужден был его покинуть из-за нашествия французов. С 1814 г. он являлся постоянным членом Святейшего Синода, некоторое

время пробыл на московской кафедре. В 1821 г. святитель Серафим получил назначение на столичную архиерейскую кафедру, которую и занимал до самой своей смерти. В историю Русской Церкви владыка Серафим вошел как борец с Библейским обществом, добившийся его закрытия. Был он и противником распространения уже напечатанного русского перевода «Пятикнижия» (весь тираж которого был впоследствии сожжен на кирпичных заводах Александро-Невской Лавры) и даже одобренного Синодом «Катехизиса» митрополита Филарета (Дроздова). Во время междоусобицы 1825 г. он посылался на Сенатскую площадь для увещевания мятежников, но, по воспоминаниям самого митрополита, его лишь «обругали и прочь отослали». Здесь надо отдать должное мужественности митрополита – к этому времени восставшими уже был убит граф М.А. Милорадович, посланный с той же целью. Но «Серафим Глаголевский <...> не обладал ни той ученостью, ни той высокодаровитостью, каким отличаются его предместники и особенно преемник (по Московской епархии). Не остался он, – писал Н.В. Сушков, – в памяти народной. Нет рассказов о нем ни в Москве, ни в Петербурге. Редко беседовал он с паствою своею и вовсе не слыл проповедником. Его, конечно, любили, как пастыря мирного и доступного, уважали как митрополита разумного и осторожного <...> не было у него ни пламенных почитателей, ни завистливых недругов»¹⁸. Общая оценка его личности и деятельности характеризовала его как «искусного и деятельного церковного администратора», но с оговоркой, что «он оказался не на высоте своего нового призвания»¹⁹. Более злые языки отзывались о нем, как о человеке «осторожном до трусости». В последние пять лет своей жизни владыка Серафим был очень слаб и уже не обладал былой ясностью ума, практически не участвуя в текущих

¹⁸ Сушков, Н.В. Три митрополита: Амвросий, Михаил и Серафим / Н.В. Сушков // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга первая: январь–март. – Москва : Унив. Тип., 1867. – С. 166.

¹⁹ Барсов, Н.И. Серафим, митрополит / Н.И. Барсов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. и прогр. (4 Гб). – Москва : Мультимедиа-издательство «Адепт», 2002. – 1 электр. опт. диск (DVD-ROM).

делах. Назначение митрополита Серафима, как первенствующего члена Святейшего Синода в Секретный комитет носило скорее протоколно-формальный характер, и впоследствии он никак не проявит себя в работе этого органа.

Третьим представителем православной иерархии в Секретном комитете был **архиепископ Тверской и Кашинский Григорий (Постников)** (1784–1860). Он родился в семье дьякона. Первоначальное образование получил в Перервинской и Троицкой семинариях. Затем окончил Петербургскую духовную академию, впоследствии (в 1819 г.) стал ее ректором и ординарным профессором. Известно, что еще в студенческие годы он был любимым учеником святителя Филарета (Дроздова), и затем их связывали искренняя дружба и единомыслие. В 1822 г. состоялась его архиерейская хиротония, а с 1829 г. он являлся членом Святейшего Синода. В 1837 г. по «случаю глазной болезни» он был уволен от присутствия в Синоде. В 1856 г. святитель (будучи уже 74-летним старцем в сане митрополита) был назначен на столичную кафедру, но занимал ее недолго, так как скончался в 1860 г. Можно с большой долей уверенности предположить, что в Секретный комитет по униатским делам архиепископ Григорий попал именно благодаря доверительному отношению к нему святителя Филарета.

Со стороны греко-католиков в Секретный комитет Высочайшим указом был назначен **митрополит Греко-Католической Церкви в России Иосафат (Булгак)** (1758–1838). Родом он происходил из помещиков Гродненской губернии. Образование получил в римской папской коллегии «Руссикум» при Конгрегации по распространению веры (*De propaganda fide*). Имел ученые степени доктора богословия и доктора канонического права. С 1774 г. принадлежал к греко-католическому монашескому ордену базилиан. В 1787 г. был рукоположен в титулярного епископа Туровского, коадьютора епископа Пинского. Во время царствования Павла I содействовал возвращению в унию приходов, ранее переведенных в православие. В 1817 г. указом императора Александра I Иосафат (Булгак) был назначен митрополитом Униатской Церкви в России. Это назначение в 1818 г. было подтверждено и указом папы Пия VII (в отличие его прешествеников на униатской митрополичьей

кафедре, не получавших подобных указов). Иосафат (Булгак) был председателем Второго департамента римско-католической духовной коллегии, преобразованного к 1828 г. в отдельную греко-униатскую коллегию. Мягкий и бесхарактерный, легко поддававшийся влиянию приближенных, Иосафат (Булгак) был убежденный католик и много содействовал росту влияния базилиан. В деятельности Секретного комитета митрополит Иосафат значительного участия не принимал. Его кончина в 1838 г. сняла последнее препятствие упразднению унии.

Вторым представителем Греко-Католической Церкви в Секретном комитете был **епископ Иосиф (Семашко)** (1798–1868). Иосиф (Семашко) по праву считается главным деятелем воссоединения униатов с Православной Церковью. Сын небогатого дворянина, впоследствии униатского священника, детство он провел среди православных. Образование получил в Немировской гимназии, а затем в Главной духовной семинарии при Виленском университете, из которой не только не вынес расположения к католицизму, но стал еще большим приверженцем православия. В 1821 г. он был посвящен в священники и стал членом Луцкой духовной консистории. В следующем году его как человека, хорошо знакомого с русским языком и законодательством, назначили присутствовать в униатском департаменте римско-католической духовной коллегии в Санкт-Петербурге. В 1827 г., будучи под впечатлением от благосостояния Православной Церкви в Российской империи и униженности униатов от католиков, он составил особую записку о положении Униатской Церкви и возможности воссоединения ее с Православием. Эта записка была благосклонно принята императором Николаем I и стала программой дальнейших действий по ликвидации унии. Став в 1833 г. самостоятельным архиереем униатской Литовской епархии, епископ Иосиф провел колоссальную работу по подготовке воссоединения с православием. Он был главным инициатором и деятелем Полоцкого собора 1839 г., на котором был принят акт воссоединения Униатской Церкви с Церковью Православной. В православие перешло свыше 1600 приходов с более чем 1 600 000 прихожанами. В 1840 г. Иосиф (Семашко) получил сан архиепископа Литовского и Виленского.

С 1847 г. он – член Святейшего Синода, с 1852 г. – в сане митрополита, что для того времени явилось уникальным случаем возведения в митрополичий сан архиерея на провинциальной, по меркам Российской империи, кафедре. Скончался святитель в 1868 г. в Вильно и был погребен в пещерном храме виленских мучеников в Свято-Духовской церкви одноименного монастыря.

В Секретный комитет так же входили крупные государственные деятели той эпохи, жизненный путь которых был связан с западными областями империи. Среди них первым следует отметить генерала от инфантерии (т.е. пехоты) **Петра Александровича Толстого** (1770–1844). Вся жизнь графа Толстого была связана с армией – еще в молодости в составе Псковского драгунского полка он участвовал в подавлении польского восстания 1794 г., был он и участником многих сражений Наполеоновских войн. Позднее Толстой уже в качестве командующего Резервной армией руководил войсками, умирившими волнения после Польского восстания 1830 г. По окончании этой компании он был награжден золотой шпагой с алмазами и надписью «За изгнание польских мятежников». Этот генерал был ближайшим сподвижником императора Николая I, членом Государственного совета (где он в 1827–1834 гг. возглавлял Департамент военных дел), Комитета министров и многих важнейших государственных комитетов²⁰. Его богатый боевой опыт, высокое государственное положение и непосредственное знакомство с ситуацией в западных областях империи и стали причиной его членства в Секретном комитете по униатским делам.

Князь **Александр Федорович Голицын** (1796–1864) принадлежал к известному дворянскому роду. Известен службой в Канцелярии Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича, которой впоследствии управлял. После кончины Константина Павловича в 1831 г. Голицын состоял при особе императора, в том же году он произведен в статские советники, а в 1835 г. – в действительные статские советники. Как и в случае с назначением в Секретный комитет генерала Толстого, причиной назначения Голицына видится его хорошее знакомство с ситуацией на западных окраинах

²⁰ Коробко, М.Ю. Граф Петр Александрович Толстой (1769–1844): Материалы к биографии / М.Ю. Коробко // Московский журнал. – 2011. – № 12. – С. 2–9.

Российской империи, полученное в результате многолетней службы при великом князе, жившем практически безвыездно с 1814 г. в Варшаве и являвшемся главнокомандующим польской армией, а в 1826–1830 гг. и наместником Царства Польского.

Другим высокопоставленным чиновником николаевской эпохи был **Александр Сергеевич Танеев** (1785–1866). Он происходил из дворянского рода Танеевых. Получив домашнее образование, он затем учился в разных пансионах. Начав службу гвардии подпоручиком, в 1800 г. он перешел в Императорский кабинет. После учреждения в 1812 г. императорской канцелярии, Танеев был определен туда на службу и часто сопровождал императора Александра I в его поездках. В 1831 г. Александр Сергеевич был пожалован в статс-секретари и назначен управляющим Первым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии²¹. Это учреждение играло громадную роль в николаевскую эпоху – оно было своеобразным соединительным мостом между энергичным императором и громоздкой государственно-бюрократической машиной. В царствование Николая Павловича Первое отделение канцелярии размещалось непосредственно в Зимнем дворце и занималось подготовкой высочайших указов, приказов и рескриптов, контролем за их исполнением, представлением государю докладов, отчетов и рапортов министров и губернаторов. Судя по должности, Танеев в Секретном комитете являлся непосредственным представителем императора.

Заседания Секретного комитета по делам греко-униатским в 1835–1836 гг.

Первое заседание Секретного комитета состоялось 3 июля 1835 г. в г. Санкт-Петербург в Александро-Невской Лавре. Основным докладчиком на этом заседании выступал Блудов, давший краткую справку о Греко-Католической Церкви в Российской империи и важнейших постановлениях и распоряжениях относительно ее с 1827 г. Затем комитет рассмотрел вопрос о преподавании Закона Божия учащимся детям греко-католиков (нередко его преподавали католиче-

²¹ Танеев занимал эту должность около 35 лет, до конца своей жизни.

ские священники на польском языке и по католическим ктехизисам, причем многие из таких учащихся принадлежали к духовному сословию). Рассмотрев этот вопрос и заслушав предложения по нему Блудова, комитет принял следующие решения: предписать Министерству народного просвещения сделать распоряжение о недопустимости принятия детей униатского духовенства в низшие, средние и высшие светские учебные заведения²²; разрешить детям греко-униатского духовенства, вблизи места служения родителей которых нет униатских духовных училищ, получать соответствующее их происхождению образование в греко-российских (т.е. православных) духовных училищах; разрешить и детям светских греко-униатских родителей, в случае если поблизости нет светских русских по языку и господствующему религиозному направлению училищ, обучаться в греко-российских духовных училищах. Так же были сделаны распоряжения относительно детей светских униатских родителей, обучающихся в светских училищах, нередко испытывающих недостаток в законоучителях их обряда. Было решено, чтобы в таких случаях дети получали наставление в Законе Божиим либо у греко-католических священников в частном порядке, либо у православных законоучителей.

Если первое заседание Секретного комитета было посвящено проблемам образования униатского юношества, то второе заседание, проводившееся 3 декабря 1835 г., началось с обсуждения трудностей в устройстве иконостасов в униатских церквях и недостатке богослужебных книг, имеющих употребление в Православной Церкви. По всем этим вопросам (вызванным в первую очередь бедностью униатских приходов) были сделаны необходимые распоряжения, в том числе и отпуске необходимых средств из казны. Ввиду недостатка кандидатов на причетнические места для униатских церквей, Секретный комитет постановил разрешить поступать в духовное звание лицам из всех состояний, кроме крепостных, подобно тому, как такое принятие из других состояний

²² Подобные нормы для детей православного духовенства Российской империи были установлены фактически еще в первой половине XVII в. Для униатских детей духовного сословия на момент заседания Секретного комитета в обоих греко-католических епархиях были устроены восемь уездных духовных училищ и епархиальные семинарии.

разрешено для духовенства православного. Далее члены Секретного комитета вернулись к обсуждению проблемы образования греко-католического юношества, которая поднималась на первом заседании. Было решено униатские духовные училища устроить совершенно одинаково с православными Духовными училищами на основании одного и того же устава. Комитет так же отметил сложность и неудобство для Греко-униатской коллегии заниматься училищными делами. Поскольку подобная проблема ранее возникала и в православной среде и привела к выделению училищных дел из ведения Святейшего Синода и передаче их в образованную Комиссию духовных училищ, в случае с униатскими делами было решено поступить таким же образом, т. е. и греко-униатские духовные училища подчинить ведению Комиссии духовных училищ.

Третье заседание комитета, состоявшееся 13 марта уже 1836 г., было, судя по всему, самым кратким. На нем были рассмотрены и утверждены два разработанных совместно Блудовым и Нечаевым (сам Нечаев на заседании отсутствовал) проекта: порядок сношений Комиссии духовных училищ с Министерством внутренних дел и порядок сношений Комиссии духовных училищ со священноначалием Греко-Униатской Церкви²³.

Как уже отмечалось выше, третье заседание комитета, состоявшееся 13 марта 1836 г., проходило без обер-прокурора С.Д. Нечаева, вынужденного еще в феврале взять отпуск, чтобы уехать к умирающей жене в Крым. К этому времени Нечаев совершенно настроил против себя синодальных членов, решившихся в конце концов на отчаянный шаг²⁴. В его отсутствие члены Синода подготовили императору доклад, в котором просили «дать Нечаеву, как человеку обширных государственных способностей, другое, более весомое назначение, а обер-прокурором назначить графа Протасова». И Нечаев действительно был уволен от должности обер-прокурора, произведен в тайные советники и назначен сенатором. С этого времени Секретный комитет по делам греко-уни-

²³ РГИА. – Фонд 796. – Оп. 205. – Д. 179. – Л. 46–49.

²⁴ Нечаев нередко прибегал к весьма низким интригам и обману, зачастую он мог по своему усмотрению изменить или вовсе отменить неудобное ему решение Синода.

атским фактически прекратил свою работу, хотя формально его деятельность никак не останавливалась и он не был распушен. В течение 1836 г. императорскими указами он был даже пополнен новыми членами: 31 марта 1836 г. в состав комитета был включен новый обер-прокурор Святейшего Синода Н.А. Протасов, а 2 ноября – архиепископ Ярославский Филарет (Амфитеатров), вскоре ставший митрополитом Киевским.

Обер-прокурор Н.А. Протасов и воссоединение униатов

С 24 февраля 1836 г. исполняющим обязанности обер-прокурора был назначен **Николай Александрович Протасов** (1798–1855), бывший участник русско-турецкой войны и польских походов²⁵. 25 июня того же года Протасов был окончательно утвержден на этом посту и занимал его до самой своей смерти в течении 20 лет. Время его обер-прокурорства характеризуется исключительным усилением власти этой должности. Фактически при Протасове завершилось превращение обер-прокурора Святейшего Синода в единоличного руководителя всего церковного управления. Уже в 1836 г. была создана особая канцелярия обер-прокурора, куда тянулись все нити управления церковным организмом. Существует крылатое высказывание, ошибочно приписываемое митрополиту Филарету (Дроздову) о том, что Протасов «сонмом архиерейским, как эскадроном на ученье, командовал». Во время обер-прокурорства Протасова любая мелочь в церковных делах требовала санкции правительства, а сами его распоряжения скорее напоминали воинские приказы. Поскольку не было возможности высказать даже малейшее несогласие с всемогущим обер-прокурором, даже такие маститые архипастыри, как Филарет (Дроздов) и Филарет (Амфитеатров) совершенно удалились в свои епархии, не принимая участия в работе Синода²⁶. О других архиереях и говорить нечего – от них требовалось только безропотное подчинение, а Синод был фактически низведен до уровня исполнительного органа. Тем не

²⁵ До своего назначения обер-прокурором Н.А. Протасов занимал должность товарища министра народного просвещения.

²⁶ Характерно, что это оба члена Святейшего Синода были и членами Секретного комитета по униатским делам, прекратившего с 1836 г. свои заседания.

менее именно благодаря напору и решительности Протасова удалось провести многие жизненно необходимые решения и преобразования в церковной жизни.

С нач. 1837 г. по указанию императора всех дела Униатской Церкви были переданы в руки нового обер-прокурора²⁷. Эти перемены существенно отразилось и на всем ходе воссоединения униатов с православными²⁸. Инициативный Протасов, стремившийся ход любого церковного дела держать в своих руках и не полагавшийся на духовенство даже в делах узко церковных, имел заметное предубеждение к православным архиереям. Вероятно, еще менее он полагался и на униата Иосифа (Семашко)²⁹. В мае 1838 г. по указанию императора Н.А. Протасов поручил сотруднику своей канцелярии В.В. Скрипицыну ознакомиться с положением Греко-Католической Церкви в западных губерниях и оценить степень ее готовности к воссоединению. Скрипицын выполнил данное поручение с большой ответственностью – впечатляет даже сам маршрут его путешествия: от Люцена через Себеж до Полоцка; от Полоцка чрез Витебск, Оршу, Минск, Вильно и Слоним до Жирович; от Жирович чрез Гродно, Бе-

²⁷ Смолич, И.К. История Русской Церкви. С. 339.

²⁸ Именно при Протасове через перевод православного Полоцкого архиепископа Смарагда (Крыжановского) на могилевскую кафедру прекратилась практика частных присоединений униатов к православию, столь мешавшая делу подготовки общего воссоединительного собора. Стронником и покровителем архиепископа Смарагда был предыдущий обер-прокурор С.Д. Нечаев. (см.: Глубоковский, Н.Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский: Его жизнь и деятельность: С 7 портр. и 3 ав-тогр. / Н.Н. Глубоковский. – Санкт-Петербург: Тип. Меркушева, 1914. – С. 161–166.) К тому же, в феврале 1838 г. скончался митрополит Иосафат (Булгак), важнейший в иерархическом смысле представитель греко-католической стороны.

²⁹ Хотя и в тот момент, и впоследствии между ними имела место обширная частая переписка. В своих воспоминаниях митрополит Иосиф (Семашко) пишет, что Протасов «принялся с полным рвением за Униатское дело и заботился о нем всю жизнь свою – его не нужно было подгонять. Отношения мои к Протасову, как прежде к Блудову, были всегда хороши» (см.: Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского. Т. 1. С. 108). Возможно, это только видимая сторона дела – митрополит Иосиф был известен своим благодушием и часто не взирал на личности, желая, чтобы только продвигалось дело (ведь Семашко, собственно, и был инициатором передачи всех униатских дел в ведение обер-прокурора). Впоследствии, вспоминая события 1838 г., митрополит Иосиф неожиданно замечает, что «даже у Протасова прорывались иногда вредные несообразности» (Там же. С. 115).

лосток, Брест-Литовский, Ратно, Луцк и Дубно до Почаева; от Почаева через Кременец и Житомир до Киева; из Киева обратно через Житомир, Овруч, Мозырь, Могилев и Витебск до Полоцка и, наконец, из Полоцка обратно до Люцена. В ходе своего путешествия Скрипицын отправлял на имя обер-прокурора краткие рапорты, а по возвращении в Санкт-Петербург предоставил Протасову подробный отчет о проделанной поездке³⁰. Этот отчет Скрипицын дополнил своими весьма обстоятельными выводами и соображениями, побудившими Протасова активизировать процесс воссоединения³¹. Необходимость действовать привела к появлению нового Секретного комитета, состоявшего уже, согласно стилю руководства Протасова, исключительно из правительственных и гражданских чиновников.

Деятельность Секретного комитета для совещания о мерах касательно воссоединения Греко-Униатской Церкви в 1838–1839 гг.

В декабре 1838 г. состоялось заседание Высочайше учрежденного Секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения Греко-Униатской Церкви³². Этот комитет получил название, отличное от Секретного комитета, действовавшего в 1835–1836 гг. Уже само наименование комитета подчеркивает, что предметом его попечения будут не просто «дела греко-униатские», а предстоящее воссоединение униатов с православием. Место заседаний этого комитета в журналах заседаний не указано. Но самой важной чертой этого комитета является иной персональный состав, нежели в Секретном комитете 1835–1836 гг. На первых заседаниях комитета в декабре 1838 г. присутствовали совершенно новые лица: шеф жандармов и одновременно Главный начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал

³⁰ РГИА. – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 18. – Л. 14–32.

³¹ Несмотря на значительную роль отчетов Скрипицына в активизации хода воссоединения, митрополит Иосиф отмечает и негативную сторону этой поездки: Скрипицын «выболтал слишком много не только чиновникам, но и Латинским помещикам», взбудоражив последних (См.: Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского. Т. 1. С. 115.).

³² РГИА. – Фонд 1661. – Оп. 1. – Д. 416. – Л. 17.

А.Х. Бенкендорф, министр государственных имуществ генерал-адъютант П.Д. Киселев, обер-прокурор Святейшаго Синода генерал-майор граф Н.А. Протасов и министр внутренних дел тайный советник Д.Н. Блудов. Таким образом, из состава первоначального комитета, занимавшегося униатскими делами, остался лишь Д.Н. Блудов³³, причем, если в предыдущем комитете он явно занимал главенствующее положение, теперь его место занял Протасов, отныне руководивший заседаниями. Важно отметить, что Секретный комитет, заседавший в 1835–1836 гг., представлял собой достаточно коллегиальный орган, состоящий из представителей всех трех сторон, интересы которых затрагивала его деятельность: православных, униатов и правительства империи. Теперь же мы видим полное отсутствие духовных лиц как с православной, так и с униатской стороны. Новый комитет уже полностью состоял из правительственных чиновников, причем представлявших скорее именно «силовые структуры»³⁴. Такой персональный состав нового Секретного комитета показывает не просто некую «ротацию кадров», а то, что перед этим комитетом стояли совершенно новые задачи. Тем не менее доклады духовных лиц рассматривались на заседаниях, что позволяет говорить об участии представителей духовенства в заседаниях и этого комитета.

Совершенно иными были и вопросы, рассматривавшиеся на заседаниях Секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения Греко-Униатской Церкви. В отличие от комитета 1835–1836 гг., занимавшегося вопросами образования униатского юношества и восстановления восточного богослужения в униатских храмах, на своих заседаниях 22 и 26 декабря новый комитет рассмо-

³³ В этом комитете мы не увидим как и участвовавших ранее в работе Секретного комитета по делам греко-униатским представителей духовенства, так и светских чиновников П.А. Толстого, А.Ф. Голицына и А.С. Танеева.

³⁴ Подобную трансформацию комитета легко объяснить склонностью Николая I к военизации всего государственного аппарата. Страстным увлечением императора было военное дело, и идеалом всего общественного и государственного устройства ему виделась полностью регламентированная уставами армейская жизнь. Это привело к замещению на всех уровнях власти гражданских чинов военными. Эта тенденция показала впоследствии свою несостоятельность и, как видим, нашла свое яркое отражение и в деятельности Секретных комитетов, занимавшихся униатским делам.

трел следующие документы: выписку из секретного отношения виленского военного генерал-губернатора Н.А. Долгорукова о положении греко-униатского дела в управляемых им губерниях; записку униатского епископа Иосифа (Семашко) о мерах общего воссоединения, а также мнение по тому же вопросу митрополита Филарета (Дроздова). Рассмотрев эти документы, комитет нашел униатское духовенство (особенно Литовской епархии) готовым к воссоединению, и счел, что «неблагоразумно было бы далее откладывать общее воссоединение униатов, для которого время пришло»³⁵. Комитет также счел необходимым подчинить греко-униатскую Духовную Коллегию непосредственно Святейшему Правительствующему Синоду (вместо Сената, как это было ранее). Затем комитет утвердил сам порядок воссоединения униатов с Православной Церковью и рассмотрел записку министра государственных имуществ П.Д. Киселева о необходимых мерах по обеспечению содержания воссоединенного духовенства. Комитетом были сделаны необходимые распоряжения по этому поводу и высказана необходимость составления единой инструкции для генерал-губернаторов тех областей, которые затрагивало воссоединение. 4 января 1839 г. состоялось следующее заседание Секретного комитета³⁶, на котором присутствовали те же чиновники, что и на предыдущих заседаниях, но, поскольку на этом заседании был рассмотрен проект «Инструкции Генерал-Губернаторам Западных Губерний» на него, «по Высочайшему повелению», были приглашены: Смоленский, Витебский и Могилевский генерал-губернатор генерал-адъютант П.Н. Дьяков, и Виленский Военный, Гродненский, Белостокский и Минский генерал-губернатор генерал-адъютант князь Н.А. Долгоруков. Рассматриваемая комитетом инструкция была составлена на основании конфиденциальных отношений генерал-губернаторов Западного края, адресованных обер-прокурору Святейшего Синода Н.А. Протасову. По своему содержанию принятая комитетом инструкция наиболее близка к «Проекту наставления Генерал-Губернаторам возвращенных от Польши губерний»³⁷, составленному князем Н.А. Долгоруковым по устной просьбе членов Се-

³⁵ РГИА. – Фонд 1661. – Оп. 1. – Д. 416. – Л. 18.

³⁶ РГИА. – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 22. – Л. 1–17.

³⁷ РГИА. – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 19. – Л. 12–18.

кретного комитета, и во многом его дословно повторяет. Рассмотрев проект инструкции, комитет нашел его вполне сообразным с правительственными целями и местными обстоятельствами. Было решено поднести этот проект на рассмотрение Государя Императора, и в случае успешного утверждения, направить эту инструкцию министру внутренних дел для последующей передачи ее Смоленскому, Витебскому и Могилевскому; Виленскому Военному, Гродненскому, Белостокскому и Минскому; Киевскому Военному Волынскому и Подольскому генерал-губернаторам.

Персональный состав Секретного комитета 1838–1839 гг.

Среди новых участников заседаний Секретного комитета особо следует отметить графа **Александр Христофоровича Бенкендорфа**, генерала от кавалерии (1782–1844). Он происходил из старинного дворянского рода Бенкендорфов. Геройски участвовал во многих военных компаниях, в том числе и в Наполеоновских войнах. После активного участия Бенкендорфа в следствии по делу декабристов, император Николай I, весьма к нему благоволивший, назначил его в 1826 г. шефом жандармов, а чуть позднее – главным начальником Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии³⁸. Занимая этот пост, Бенкендорф был влиятельнейшим человеком в николаевскую эпоху. Несмотря на несколько зловещую ауру Третьего отделения, отношение к самому Александру Христофоровичу было зачастую иронически-доброжелательным. Известно, что А.С. Пушкин, сам бывший объектом весьма пристального внимания со стороны Третьего отделения, тем не менее писал о Бенкендорфе сочинявшему о нем эпиграммы П.А. Вяземскому:

³⁸ Несмотря на созданный в советскую эпоху образ этого учреждения как зловещей тайной полиции, его реальные задачи были несколько иные – по возможности быстро и без проволочек, свойственных государственному аппарату, доводить до сведения императора важнейшие сведения о потаенной жизни общества и его нуждах. Значительную часть забот сотрудников этого отделения составляли проблемы весьма далекие от борьбы с революционным духом – контроль за деятельностью религиозных сект, борьба с контрабандистами и фальшивомонетчиками и т. п., вплоть до рассмотрения жалоб о злоупотреблениях по делам завещаний и наследств, личных оскорблениях и даже... нарушениях супружеских обязанностей.

«Но так как в сущности этот честный и достойный человек, слишком беспечный для того, чтобы быть злопамятным, и слишком благородный, чтобы стараться повредить тебе, не допускай в себе враждебных чувств и постарайся поговорить с ним откровенно». Примечательно, что по своему вероисповеданию Александр Христович был лютеранином.

Похожая биография была и у участвовавшего в заседаниях Секретного комитета графа **Павла Дмитриевича Киселева** (1788–1872). Он начал службу в кавалергардском полку, с которым принимал участие в Бородинском сражении и в заграничных походах 1813–1815 гг. (всего он принял участие в 26 сражениях). Будучи адъютантом Милорадовича, он понравился императору Александру I своей способностью обстоятельно излагать ход событий, и император назначил его своим флигель-адъютантом и часто возлагал на него важные поручения. После восстания декабристов Киселев навлек на себя подозрения в связи с заговорщиками (его имя значилось в списке заговорщиков, найденном в бумагах Александра I). Но в личной беседе с Николаем I Киселеву удалось отвести от себя подозрения, а позже, благодаря решительным поступкам во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., ему удалось вернуть и благосклонность императора. В 1834 г. Киселев был назначен членом Государственного совета, зачислен в Департамент Государственной экономики и после беседы с императором Николаем I вошел в Секретный комитет по крестьянскому вопросу. Интересно, что в своих дневниках Павел Дмитриевич выражает уверенность в полной бесполезности этого комитета (хотя сам Киселев был последовательным противником крепостного права и сторонником освобождения крестьян). В 1837 г. Киселев возглавил Министерство государственных имуществ, и в этом качестве он участвовал в заседаниях Секретного комитета по униатским делам. Дело в том, что воссоединение униатов с православием существенно затрагивало экономические и имущественные интересы польских помещиков, крепостными крестьянами которых и были, за малым исключением, прихожане расположенных в их имениях униатских храмов³⁹.

³⁹ Романчук Александр, протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко). С. 122.

Карьеры участвовавших в заседаниях Секретного комитета в 1839 г. генерал-губернаторов западных губерний **П.Н. Дьякова** (1788–1860) и **Н.А. Долгорукова** (1792–1847) во многом сходны. За их плечами длительная воинская служба и участие во многих боевых действиях. В 1830 г. Дьяков в качестве бригадного командира был назначен командовать четырьмя казачьими полками, расположенными на границе Царства Польского. В день возникновения мятежа 1830 г. Дьяков был непосредственно при цесаревиче Константине Павловиче, который неоднократно посылал его с разными приказами. Поскольку на заседании комитета в январе 1839 г. рассматривался проект инструкции генерал-губернаторам в связи с предстоящим воссоединением, участие обоих генерал-губернаторов (один из которых и был автором этого проекта) в заседаниях Секретного комитета не вызывает недоумения.

Секретные комитеты после проведения Полоцкого собора

Деятельность Секретных комитетов, связанных с конфессиональными вопросами в западных губерниях не прекратилась и после проведения Полоцкого собора. Так, 1 августа 1839 г. состоялось заседание «Комитета по принятию мер к устранению в Западных губерниях совращений из православия в католичество» в следующем составе: статс-секретарь действительный тайный советник Д.В. Дашков, управляющий Министерством внутренних дел А.Г. Строганов и знакомые нам по работе предыдущих комитетов министр юстиции Д.Н. Блудов и обер-прокурор Святейшего Синода Н.А. Протасов. К сожалению, удалось обнаружить только черновые протоколы заседаний этого комитета с множеством трудных для разбора правок и пометок, хранящиеся в архиве К.С. Сербиновича, в 1836–1853 гг. состоявшего директором канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода⁴⁰.

* * *

Множество противоречий и нерешенных вопросов, раздражавших процесс воссоединения униатов с Православием, требовали

⁴⁰ РГИА. – Фонд 1661. – Оп. 1. – Д. 416.

разрешения и выработки более четких планов действий. Способ разрешения этих проблем был выбран совершенно типичный для николаевской эпохи – путем создания в 1835 г. первого Секретного комитета из узкого круга лиц, обладавших доверием императора. Но опять-таки, согласно распространенной практике той эпохи, этот Секретный комитет не стал долговременным органом, курировавшим и направлявшим все дело воссоединения. Вскоре был создан еще один, «более секретный» комитет из более узкого круга лиц. Да и сам «большой» комитет, проведя лишь три заседания в 1835–1836 гг., фактически прекратил свою деятельность. Передача униатских дел в руки Протасова и необходимость действовать привела к созданию в 1838 г. еще уже нового Секретного комитета, с другим названием и иным составом его членов. Даже проведение Полоцкого собора не остановило деятельности подобных комитетов – в августе 1839 г. был собран еще один комитет с участием новых членов. Таким образом, мы видим, что Секретные комитеты, рассматривавшие униатские дела, целиком повторили судьбу иных многочисленных Секретных комитетов той эпохи. Дореволюционные исследователи, изучавшие деятельность Секретных комитетов в связи с крестьянским вопросом, отмечали, что первый из этих комитетов, созданный в 1826 г., стал образцом для всех последующих комитетов, повторявших его деятельность, зачастую погрывавшую поднятый вопрос с поразительной точностью⁴¹. Результатом деятельности девяти (!) Секретных комитетов по крестьянскому вопросу в царствование Николая I стало всего три указа, бывших практически бездейственными⁴². Приходится признать, что и Секретные комитеты, занимавшиеся делами униатов в Российской империи, во многом повторили историческую судьбу других подобных комитетов. Даже при столь беглом знакомстве с деятельностью комитетов можно отметить отсутствие всякой последовательности в их деятельности. Скорее, они принимали решения по эпизодическим вопросам, иногда совершенно ничтожных в общем деле воссоединения. Весьма кардинальные перемены их

⁴¹ Алексеева, В.П. Секретные комитеты при Николае I / В.П. Алексеева // Великая реформа. – Москва : Издание т-ва И.Д. Сытина, 1911. – Т. II. – С. 202.

⁴² Там же. – С. 208.

составов и большое различие рассматриваемых вопросов исключают и возможность постановки вопроса о некой преемственности в работе комитетов. Таким образом, эти Секретные комитеты не стали разработчиками и проводниками сколь-либо отчетливой и долговременной политики в отношении Греко-Католической Церкви в Российской империи, лишь фрагментарно участвуя в деле воссоединения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева, В.П. Секретные комитеты при Николае I / В.П. Алексеева // Великая реформа. – Москва : Издание т-ва И.Д. Сытина, 1911. – Т. II. – 256 С.

2. Глубоковский, Н.Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский: Его жизнь и деятельность: С 7 портр. и 3 ав-тогр. / Н.Н. Глубоковский. – Санкт-Петербург : Тип. Меркушева, 1914. – 558 с., портр.

3. Грачева, И.В. Декабрист во главе Синода / И.В. Грачева // Нева. – 2005. – № 10 – С. 227–231.

4. Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора : в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Тип. имп. Академии Наук, 1883. – Т. 1. – 745 с., [1] л. портр.

5. Коробко, М.Ю. Граф Петр Александрович Толстой (1769–1844): Материалы к биографии / М.Ю. Коробко // Московский журнал. – 2011. – № 12. – С. 2–9.

6. Романчук Александр, протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей Александр Романчук. – Москва–Минск : Изд-во Крутицкого подворья, 2015. – 443 с.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 796. – Оп. 205. – Д. 179. Журналы Секретного комитета по делам грекоуниатским о мерах к охране греко-униатского населения от latino-польского влияния и о передаче греко-униатских духов-

ных училищ в ведение Комиссии духовных училищ при Синоде, с приложением копии именных указов Сенату и Комиссии духовных училищ.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 10. Об учреждении Секретного Комитета по делам Греко-унитским.

9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 18. Рапорты Камергера Скрипицына по обозрению им Греко-унитской епархии.

10. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 19. Конфиденциальные отношения Генерал-Губернаторов Западного края по предмету воссоединения униатов.

11. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 22. Подлинный журнал Высочайше учрежденного Секретного Комитета о мерах касательно воссоединения Греко-унитов с Православною Церковью.

12. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 1661. – Оп. 1. – Д. 416. Журнал заседаний секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения Греко-Униатской Церкви с Православной с инструкцией генерал-губернаторам Западных губерний по осуществлению воссоединения.

13. Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700–1917 / И.К. Смолич. – Москва : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Ч. 2. – 800 с.

14. Сушков, Н.В. Три митрополита: Амвросий, Михаил и Серафим / Н.В. Сушков // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга первая: январь–март. – Москва : Унив. тип., 1867. – 750 с.

15. Шавельский Георгий, протоиерей. Последнее воссоединение с Православной Церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). / протоиерей Георгий Шавельский. – Санкт-Петербург : Тип. «Сельского Вестника», 1910. – 380 с.

16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. и прогр. (4 Гб). – Москва : Мультимедиа-издательство «Адепт», 2002. – 1 электр. опт. диск (DVD-ROM).

THE PERSONAL STAFF OF THE SECRET COMMITTEES ON UNIATE AFFAIRS IN YEARS 1835–1839

PRIEST VYACHESLAV SHESTITKO

The article deals with the activities of the Secret committees on Uniate affairs that existed in 1835–1839. These consultative bodies characterised the era of Emperor Nicholas I reign and were introduced to consider the problems occurred within their competence and to develop the ways of their settlement. The practice of laying the foundation of all types of the Secret committees became widespread. Some of the Secret committees were introduced to consider the problems related to religion and religious policy of the Russian government. The Secret committees concerned the Greek Catholic Church affairs in the Russian Empire are considered among such institutions. The subject of the article is the personal staff of these committees that was significantly transformed. The article contains biographical information on the members of these committees and the reasons for the appointment of some of them. If the existing documents allow the issues regarded by some of these committees are considered briefly. The article concludes that the Secret committees on the Uniate affairs had the same fate as many other secret committees of that era. Fundamental changes in their staff and the difference of the issues regarded resulted in the fact that the Secret committees on the Uniate affairs did not develop and pursue definite and long-term policy in regard to the Greek Catholic Church in the Russian Empire, participating in the reunion rather incidentally.

Keywords: Bludov D.N., Metropolitan Filaret (Drozdov), Metropolitan Joseph (Semashko), Nicholas I, Protasov N.A., Secret committees on the Uniate affairs, the Uniates reunification.